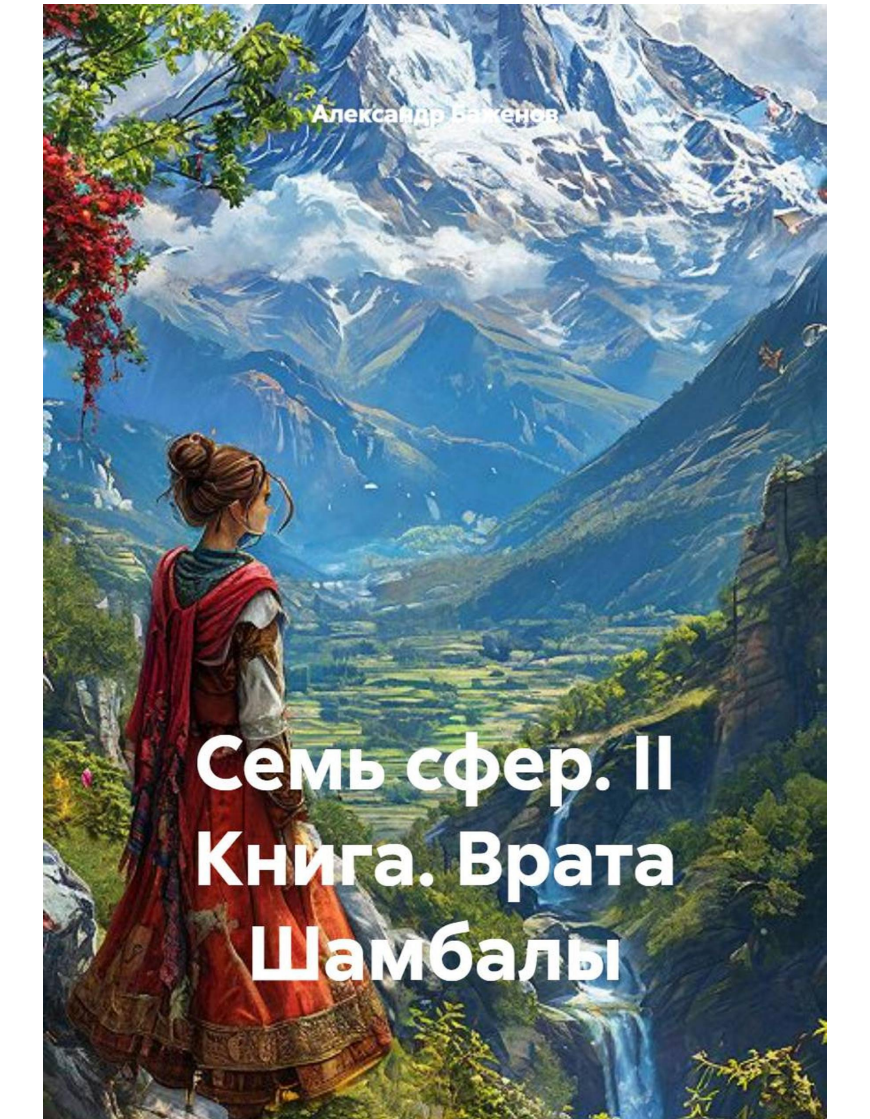

A woman with brown hair in a bun, wearing a red robe with gold trim, stands on a rocky outcrop. She is looking out over a vast, mountainous landscape. In the foreground, there are green trees and a red vine with berries. The middle ground shows a valley with green fields and a small waterfall. The background features majestic, snow-capped mountains under a blue sky with white clouds.

Александр Баженов

Семь сфер. II
Книга. Врата
Шамбалы

Александр Баженов

Семь сфер. II Книга.

Врата Шамбалы

<https://litres.ru/74069881>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём, молодой человек, пробудивший в себе семь эзотерических сфер, обрёл сверхспособности, любовь художницы Алисы и тихое счастье в яблоневом саду. Но древний зов из Гималаев нарушает покой: Шамбала — легендарная обитель света и мудрости — в опасности. Артёму и Алисе предстоит пройти через семь испытаний, добыть семь кристаллов-ключей, встретить мифических Нагов, Гаруд, Киннар и богиню Тару, чтобы остановить вторжение тёмных сил во главе с демоном Раху.

Эта книга — путешествие в мир ослепительной красоты: нефритовые дворцы, лазуритовые храмы, одеяния из лунного шёлка, драгоценности, в которые вплетены молитвы и любовь. Здесь история Востока оживает в изысканных нарядах и ритуальных предметах, а внутренний свет героев сияет ярче любых сокровищ.

Для тех, кто ищет не просто фантастику, а притчу о внутреннем свете, который способен осветить любую тьму.

Содержание

Оглавление	4
Пролог. Зов из-за грани	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Семь сфер. II Книга.

Врата Шамбалы

Оглавление

Глава 1. Зов из Гималаев

Артёму снова снится Город Трёх Лун — на этот раз с храмом и алмазом. Голос зовёт его к Вратам Шамбалы. Бабушкин звёздный кулон и обрывок карты с надписью «Нагга-двипа» указывают путь. Артём и Алиса отправляются в Гималаи. В предгорьях они находят древнюю лестницу, статую богини с десятью руками, одеяния которой Артём «читает» через психометрию. Пещера с семью кристаллами-ключами. Встреча с Такшакой и Нагами. Испытание начинается. Цитаты Экзюпери, Юнга, Лао-Цзы.

Глава 2. Испытания корня, эмоций и воли

Первое испытание: Муладхара. Артём побеждает Змея Земли Васуки и получает рубин. Созерцание доспехов Такшаки. Второе испытание: Свадхистхана. Пустыня эмоций и сердолик. Третье испытание: Манипура. Лабиринт воли и топаз. Четвёртое испытание: Анахата. Прощение Магистра Хранителей и изумруд. Созерцание лазуритового алтаря гандхарвов. Цитаты из «Шримад Бхагаватам», Ригведы, Патанджали, Лао-Цзы.

Глава 3. Голоса, творение и абсолют

Пятое испытание: Вишудха. Артём слышит голоса всех существ в пещере и получает аквамарин. Созерцание сокровищницы Такшаки: ожерелье Ситы, браслет Драупади, Зеркало Истины. Шестое испытание: Аджна. Создание Синги — крылатого льва из лунного света — и получение сапфира. Седьмое испытание: Сахасрара. Встреча с Тарой. Артём отдаёт половину седьмой сферы Алисе, пробуждая её центры. Алиса получает платье из лунного шёлка. Созерцание одеяния Тары и её короны. Цитаты Блейка, Юнга, Экзюпери.

Глава 4. Врата открываются

Семь кристаллов встают в углубления алтаря. Врата в Шамбалу открываются. Созерцание Шамбалы: лазуритовые храмы, нефритовые дворцы, мозаика, меняющая цвет под шагами. Встреча с Ригденом Джапо. Предупреждение об асурах и Раху. Пир в Чертоге Мира: сома в сапфировых кубках, нефритовые тарелки, шар с миниатюрной Шамбалой. Цитаты из «Калачакра-тантры», Вернадского, Экзюпери.

Глава 5. Союзники и битва

Знакомство с Гарудой Адитьей, Киннарами, Якшами. Созерцание доспехов Гаруды с сапфировым нагрудником. Интриги в Совете Шамбалы: Дурьодхана против Ригдена Джапо. Битва в Долине Тысячи Лотосов. Артём активизирует все семь сфер, Алиса сражается рядом в платье из лунного шёлка. Раху превращается в обсидиан. Цитаты из «Бхагавад-гиты», Манделы.

Глава 6. Колесо времени и возвращение

Зал Колеса Времени: живая мандала из света. Ригден Джапо предлагает Артёму изменить один момент истории. Артём отказывается — мудрость в принятии. Прощальные дары: обручальные кольца из метеоритного железа с семью камнями-ключами, плащи из лунного шёлка. Синга остаётся охранять Врата. Возвращение в яблоневый сад. Цитаты Экклезиаста, Толстого, Патанджали, Экзюпери.

Послесловие

О Шамбале как состоянии души. О любви, которая сильнее тьмы. О том, что свет не гаснет — он умножается. Цитаты из «Йога-сутр» Патанджали.

Пролог. Зов из-за грани

Прошло два года с тех пор, как я пробудил семь сфер. Наш дом в яблонево́м саду стал тихой гаванью, куда изредка забредали странники — кто за исцелением, кто за советом. Я не отказывал никому, но сам всё чаще чувствовал смутное беспокойство. Сферы внутри меня пульсировали ровно, но временами — особенно на рассвете, когда мир замирает между сном и явью, — я слышал далёкий зов. Он шёл не извне, а словно из глубины земли, из тех корней, что Муладхара проростила в недра планеты.

Однажды ночью мне снова приснился Город Трёх Лун — тот самый, из первого сна. Но теперь он изменился: по улицам, вымощенным перламутром, текли не только золотистые туманы, но и живые существа. Я видел людей с тёмно-золотистой кожей, облачённых в одежды из переливчатого шёлка, похожие на одеяния тибетских лам. Видел зверей, которых нет в нашем мире: крылатых львов с перьями павлина, змей с рогами оленя, птиц с хвостами, горящими как кометы. В центре площади, где прежде стоял обелиск, теперь возвышался храм с восемью гранями, а над ним парил гигантский прозрачный камень — алмаз чистейшей воды, вращающийся медленно, словно планета.

Голос, который я уже знал, зазвучал отовсюду:

— *Семь сфер пробуждены в тебе, но мир велик, и в нём*

есть врата, что ждут ключа. Ты стоишь у первых. Имя им — Шамбала. Хватит ли мудрости войти?

Я проснулся в холодном поту. Алиса сидела рядом и держала меня за руку. Кварцевые кулоны на наших грудях пульсировали синхронно.

— Ты тоже слышал? — прошептала она.

Значит, это был не просто сон. Я кивнул, но несколько мгновений не мог вымолвить ни слова — не от потрясения после сна, а от того, как она выглядела в этот предрассветный час. Лунный свет падал из окна на её лицо, и оно казалось выточенным из старой слоновой кости — благородно-бледным, с мягким свечением, идущим словно изнутри. Её русые волосы, обычно собранные в небрежный пучок, сейчас рассыпались по плечам, и в них запутались серебряные нити лунного света. Глаза — серые, с янтарными крапинками, — смотрели на меня с той спокойной тревогой, которую я научился читать за два года: она волновалась, но не за себя — за меня.

— Ты очень красивая сейчас, — сказал я, не думая.

Она улыбнулась — той самой улыбкой, которая всегда начиналась в уголках губ и медленно, как рассвет, разливалась по всему лицу, достигая глаз. В такие моменты её глаза меняли цвет: янтарные крапинки словно загорались изнутри, и серый становился золотистым. Это была улыбка, ради которой я готов был пройти любые испытания. Улыбка, которая лечила лучше любого лекарства. Улыбка, в которой по-

мещался весь свет Шамбалы — той, что ещё не открылась нам, но уже жила в ней самой.

— Ты тоже ничего, — ответила она полушутя, но её пальцы крепче сжали мою ладонь. — Рассказывай, что видел.

Шамбала — слово, которое веками будоражило умы мистиков. В тибетском буддизме это сокрытая страна, где хранится учение Калачакры — «Колеса Времени». Рерих искал её в Гималаях, Блаватская описывала как обитель Махатм — Великих Учителей. Но бабушка в своих заметках на полях книги «Семь сфер» написала лишь одну фразу: «Шамбала — не место. Это состояние. Но чтобы его достичь, нужны Врата. Ищи в Азии». Рядом был приклеен пожелтевший лепесток лотоса — символа чистоты и просветления, — и обрывок карты с надписью на санскрите: «Нагга-двипа» — Остров Змей. Так я впервые услышал о Нагах — мифических существах-змеях, хранителях тайных знаний в индуистской и буддийской мифологии.

И ещё бабушка написала на полях, простым карандашом, почти стёршимся от времени: «Свет внутри тебя — это не просто сила. Это здоровье твоё и тех, кого ты любишь. Храни его, как хранят огонь в очаге — не дай ветру задуть, не дай дождю залить. Ибо когда свет гаснет, первыми замерзают те, кто грелся у твоего костра». Тогда я не понял этой записи. Теперь — понимаю всем сердцем.

Я поделился с Алисой. Она долго рассматривала лепесток и обрывок карты, а потом достала из своей шкатулки амулет

— серебряную змею, кусающую свой хвост, инкрустированную изумрудами.

— Это Уроборос, — сказала она. — Символ вечного цикла. Но в индийской традиции змея — это Кундалини, та самая энергия, что поднимается по сферам. Может, твой путь ещё не окончен?

Я смотрел, как её пальцы — длинные, с аккуратными ногтями без лака, пальцы художницы — держат амулет. В этом жесте было столько естественной грации, что я невольно залюбовался. Алиса никогда не позировала, не стремилась выглядеть красивой — и именно поэтому была прекрасна. Её красота была тихой, ненавязчивой, как красота полевого цветка. Она не бросалась в глаза, но, раз увидев, уже не мог отвести взгляд.

— Ты почему так смотришь? — спросила она, заметив мой взгляд.

— Любуюсь, — честно ответил я.

Она чуть покраснела — лёгкий румянец проступил на скулах, и это сделало её лицо ещё живее. В такие моменты она напоминала мне девушек с полотен прерафаэлитов: та же одухотворённость, та же внутренняя тишина, та же загадка в глубине глаз.

В тот же вечер мы начали готовиться к путешествию.

Глава 1. Врата в предгорьях Гималаев

Самолёт до Катманду, затем джип до маленького посёлка на границе с Тибетом, а дальше — пешком. Мы шли по гор-

ным тропам, и воздух становился всё разреженнее, но благодаря первой сфере я почти не чувствовал усталости. Алиса дышала тяжелее, но держалась — её Вишудха, приоткрывшаяся за два года, помогала телу адаптироваться. Кварцевые кулоны мы не снимали, и я постоянно ощущал её присутствие — тёплую, спокойную волну на краю сознания.

На третий день пути, в предгорьях, поросших рододендронами, мы наткнулись на древнюю каменную лестницу. Ступени были стёрты тысячами ног, а по бокам стояли обветренные статуи — многорукие божества с ликами, полными потустороннего покоя.

Я задержался у статуи богини с десятью руками. Прикоснулся к складкам каменного сари, и психометрия перенесла меня на три тысячи лет назад. Жрицы в белых муслиновых сари, расшитых золотой нитью, оборачивали каменные плечи шёлком цвета шафрана. Ткань была тончайшей — бенаресский шёлк ручной работы. Поверх накидывали вуаль из прозрачного хлопка, расшитого серебряными звёздочками с алмазными бусинами в центре.

Передо мной пронесли видения. Я увидел, как три тысячи лет назад эту статую одевали в настоящие ткани. Жрицы в белых муслиновых сари, расшитых по краю золотой нитью, оборачивали каменные плечи богини шёлком цвета шафрана. Ткань была тончайшей — бенаресский шёлк ручной работы, который ткали только в полнолуние, чтобы лунный свет вплёлся в нити. Поверх шёлка накидывали вуаль из

прозрачного хлопка, расшитого мельчайшими серебряными звёздочками, каждая с бусиной неогранённого алмаза в центре. Гирлянды из живых цветов — жасмина и бархатцев — обвивали запястья статуи, и их аромат смешивался с запахом сандаловых благовоний.

Потом видение сменилось. Я увидел, как другой жрец, столетия спустя, украшал статую драгоценностями. На шею богини он возложил ожерелье из семи нитей: рубины для Муладхары, сердолики для Свадхистханы, топазы для Манипуры, изумруды для Анахаты, аквамарины для Вишудхи, сапфиры для Аджны и, наконец, алмазную подвеску в центре — для Сахасары. Камни были подобраны так, что каждый загорался от солнечного луча под своим углом, и статуя сияла радугой. На ногах богини звенели серебряные браслеты с колокольчиками, настроенными на семь нот октавы, а на лодыжках — золотые цепочки с крошечными павлиньими перьями из эмали.

— Ты видишь что-то? — тихо спросила Алиса.

— Да... — я с трудом вернулся в реальность. — Они одевали её столетиями. Каждое поколение добавляло что-то своё. Шёлк, камни, цветы. А потом время стёрло всё, кроме камня. Но камень помнит.

— Знаешь, — Алиса задумчиво коснулась стопы статуи, — в этом есть глубокая мудрость. Мы украшаем божественное, хотя оно само — источник красоты. Мы словно возвращаем ему то, что оно дало нам.

Я посмотрел на неё и снова забыл о статуе. Алиса стояла, чуть склонив голову, и её пальцы лежали на каменной стопе богини с такой нежностью, словно она прикасалась к живому. В рассветных лучах её дорожное пальто казалось сотканным из света. Ветер шевелил выбившиеся из пучка пряди волос, и в них играло солнце — так играет оно в крыльшках стрекозы, заставляя переливаться тончайшие перепонки. Кончики её ресниц золотились, а на левой скуле, чуть ближе к уху, темнела крошечная родинка — та самая, которую я мысленно называл «точкой отсчёта», потому что именно с неё всегда начинал рассматривать её лицо. Она не носила богатых одежд — только те амулеты, что были с ней всегда: лунный камень на шее, обсидиановый диск, кварцевый кулон и мотанку в кармане. Но сейчас, на фоне древней статуи, она сама выглядела как богиня.

— Есть древняя индийская пословица, — сказал я, — «Красота — это обещание счастья». Эти статуи обещают счастье тем, кто умеет видеть сердцем.

— Или тем, кто умеет ждать, — улыбнулась она. — Три тысячи лет ждать, пока кто-то придёт и оценит.

Я задумался, глядя на статую. Жрицы, украшавшие её, не просто отдавали дань божеству. Они вкладывали в каждый камень, в каждую нить свою любовь — и тем самым приумножали собственный свет. Это древний закон, о котором забыли в современном мире: отдавая свет, ты не теряешь его, а преумножаешь. Когда даришь любовь, её становится боль-

ше. Когда отдаёшь тепло, согреваешься сам. Бабушка говорила мне в детстве: «Тёмочка, если хочешь быть здоровым и счастливым, каждый день делай что-нибудь для других. Не ради награды — ради того, чтобы твой внутренний огонёк не гас. Огонёк, который только для себя, — это искра. А огонёк, которым делишься, — это солнце». Я тогда не понимал этих слов. Теперь, глядя на статую, которую украшали три тысячи лет, я понял: свет этих жриц до сих пор живёт в камне. И он согревает меня сейчас, спустя тысячелетия.

Лестница привела нас к ущелью, над которым нависала скала с высеченным в ней гигантским ликом Будды — глаза полуприкрыты, губы тронуты улыбкой. В основании статуи чернел проход. Мы вошли. Темнота сомкнулась, а затем вспыхнул свет — мягкий, жемчужный, струящийся из стен, словно сам камень флуоресцировал.

Пещера оказалась огромной, с куполом, теряющимся в вышине. В центре возвышался алтарь, а на нём — семь углублений, в которых покоились семь кристаллов. Каждый был размером с кулак, огранённый, но не человеческой рукой — грани напоминали природные формы, снежинки, спирали. Они мерцали, и я чувствовал, как мои сферы отзываются на их пульсацию.

— Ключи, — выдохнула Алиса.

Из теней выступили трое. Они не были людьми в привычном смысле. Высокие, с бронзовой кожей, одетые в доспехи, похожие на чешую. Глаза — вертикальные зрачки, на висках

— едва заметные узоры, напоминающие змеиные чешуйки. Наги.

— Стойте, пробуждённые, — произнёс старший, кланяясь с достоинством. — Я — Такшака, страж Врат. Вы пришли за ключами, но чтобы взять их, вы должны доказать, что семь сфер в вас не дремлют. Каждый кристалл отдаётся лишь тому, кто пройдёт испытание соответствующей сферы.

— Мы готовы, — ответил я.

— Тогда начнём. Первая сфера — Муладхара. Испытание страхом смерти.

Глава 2. Испытание Первой Сферы: Змей Земли

Такшака взмахнул рукой, и из пола пещеры поднялась каменная платформа. Вокруг неё закрутился вихрь, и я оказался на голой скале посреди бушующего океана. Волны били о камень, ветер хлестал в лицо, а из пучины поднялось существо — гигантский змей с чешуёй, отливающей багрянцем. Он раскрыл пасть, и я увидел бездну.

— Это Васуки, Змей Земли, — раздался голос Такшаки. — Он олицетворяет первобытный страх. Победи его — или он поглотит тебя.

Я вспомнил первую сферу, вспомнил аварию на мокром асфальте, когда Муладхара пробудилась впервые. Тогда я победил боль, но страх смерти — это нечто иное. Змей бросился на меня, и я не стал уворачиваться. Вместо этого я открыл красную сферу в основании позвоночника и направил её энергию в землю — точнее, в скалу под ногами. Корни

моего духа проросли в камень, и я стал неподвижным, как гора. Васуки ударил — и рассыпался мириадами искр, потому что страх не может сломать то, что укоренено в вечности.

Видение растаяло. В руке у меня оказался рубин — первый ключ, пульсирующий алым светом.

В мифах Азии змеи — двойственные существа. Они и ядовиты, и целительны; и стерегут сокровища, и открывают мудрость. Наги в индуизме — полубожественные создания, живущие в подземных мирах Паталы, владеющие магией и ядами. Они изображаются с короной из кобр и могут менять облик. Васуки — царь змеев, опоясывающий гору Меру во время пахтания океана. А в моей душе змей Кундалини, пробудившись, свернулся в основании позвоночника и ждал часа, когда поднимется до Сахасрары. «Змея — символ мудрости и вечности, — говорила бабушка. — Не бойся её, но уважай». Как сказано в «Шримад Бхагаватам»: *«Тот, кто видит змея Кундалини, спящего в корне тела, тот пробудит её и достигнет освобождения».*

Алиса помогла мне встать с платформы. Я смотрел на неё — запыхавшуюся, с капельками пота на висках (она переживала за меня так, словно сама была на скале), — и думал о том, как удивительно сочетается в ней хрупкость и сила. Телосложения она была тонкого, почти девичьего: узкие запястья, длинная шея с трогательной ложбинкой у ключиц, плечи, которые, казалось, не могли бы вынести никакой тяжести. Но я-то знал: эти плечи выдержали смерть родителей,

годы одиночества, а теперь — путь к Вратам Шамбалы. В этой хрупкости была скрыта стальная пружина. Как в ивовом пруте: гнётся, но не ломается.

— Ты как? — спросила она, и её голос чуть дрогнул на слове «ты».

— Живой, — ответил я. — Благодаря тебе.

Алиса помогла мне встать с платформы. Её ладонь была тёплой, и кварцевый кулон на её шее мягко светился.

— Одно есть, — прошептала она. — Осталось шесть.

После испытания Такшака дал нам время отдохнуть. Я сидел у стены пещеры и рассматривал доспехи нашего проводника. Это была броня, не похожая ни на что виденное мной. Пластины, выкованные из неизвестного металла — не сталь, не серебро, а нечто среднее, цвета грозового неба. Каждая пластина была покрыта тончайшей гравировкой, изображавшей змей, переплетённых в сложный орнамент. Когда Такшака двигался, змеи на доспехах, казалось, скользили — так искусна была работа.

Поверх доспехов он носил плащ из шёлка, переливавшегося оттенками зелёного и синего, словно павлинье перо. По краю плаща шла вышивка серебряной нитью — мантры на санскрите, каждая буква размером с ноготь, но выписанная с каллиграфической точностью. Я прочитал одну строку: «Ом мани падме хум» — «Сокровище в лотосе». Плащ застёгивался на груди пряжкой в виде змеи, кусающей свой хвост, — Уроборос, инкрустированный изумрудами и мел-

кими бриллиантами.

— Тебе нравится моя броня? — спросил Такшака, заметив мой взгляд.

— Она прекрасна, — честно ответил я.

— Её ковали мастера Паталы, подземного мира, пять тысяч лет назад. Каждая пластина омыта в семи священных реках и благословлена семьёю мудрецами. Этот плащ ткали из нитей лунного шёлка — гусеницы, что живут только в садах Шамбалы, дают шёлк, светящийся в темноте. Видишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.